

ОТЗЫВ
официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук Голубицкой Ники Вениаминовны
на тему: «Поиск нового языка в творчестве Тристана Тцара (1916–1924)»
по специальности « 5.9.2 – литературы народов мира»

В своем диссертационном исследовании Н. В. Голубицкая обращается к первоначальному периоду творчества Тристана Тцара (1896–1963), выделив для анализа шесть лет в литературном маршруте, который продолжался без малого пятьдесят лет. В этом ограничении нет ничего произвольного: каковы бы ни были последующие литературные, поэтические и теоретические достижения писателя, среди которых самое видное место занимают такие произведения, как «Приблизительный человек» (1931) или «Бегство» (1946, 1947), Тцара остается в культурном сознании как изобретатель Дада, уникального начинания, призванного, по мысли создателя, уничтожить искусство, литературу, поэзию, по меньшей мере, в тех формах, которые сложились к середине 10-х годов XX века.

Подчеркнем, что за негативистским фасадом скрывалось искреннее стремление к созданию новой творческой формулы поэзии: и если Н. В. Голубицкая совершенно справедливо, хотя и традиционно, определяет это стремление как «поиск нового языка», то А. Компаньон видит в этом начинании более радикальный жест: действительно, определяя значение ««Первого небесного приключения господина Антипирина», французский литературовед пишет, что Тцара стремится «показать, что поэзия является живой силой мира», что она «пребывает по ту сторону языка. Вот почему отношение поэзии и языка должно быть поставлено под вопрос или даже подвергнуто отрицанию. Поэзия заключается в насилии над языком, в том, чтобы заставить его служить отрицанию необходимости поэтического

языка»¹. Таким образом, сосредоточившись на первоначальном периоде творчества писателя, привлекая для обоснования этого ограничения рассуждения таких видных историков и теоретиков французского поэтического языка как А. Беар, А. Мешонник, С. Фошро, исследовательница, определяя **актуальность** своей работы, справедливо замечает, что первые десятилетия нашего века ознаменованы «взлетом интереса к дадаизму», «когда выходит значительное количество работ, расставляющих новые акценты в проблеме связи современного искусства с дадаистским» (с. 15 диссертации). При этом скромно умалчивает, что в российском литературоведении творчество Т. Тцара практически обойдено вниманием: если не считать переводных книг по авангарду, дадаизму и сюрреализму, нескольких переводов сочинений писателя, а также подвижнических энциклопедических работ Е. Д. Гальцовой, в России творчество поэта остается малоисследованным. Таким образом, в **актуальности исследования** для новейшего российского литературоведения сомневаться не приходится, особенно если сопоставить количество русскоязычных работ, затрагивающих творчество писателя, с той массой публикаций о нем, которые представлены в обзоре **изученности** проблематики диссертации, а также в «Библиографии», включающей 512 наименований источников и критических работ. Отметим к тому же как исключительно положительный фактор рецензируемого исследования системность библиографического списка, в котором выделены разделы «Научные издания произведений» Т. Тцара, «Прижизненные издания произведений», «Статьи и монографии о творчестве Тристана Тцара», работы по «Истории и теории авангарда в литературе и искусстве», «Работы по поэзии» и т. д. (с. 262–299).

Новизна диссертации Н. В. Голубицкой обусловлена в значительной степени использованием «Архивных материалов (Fonds Tristan Tzara, Bibliothèque littéraire Jacques Doucet)», включающих неизданные тексты

¹ *Compagnon A. De Dada au surréalisme//La littérature française : dynamique&histoire. II. P. : Gallimard, 2007. P. 660.*

писателя. Вдумчивый анализ архивных материалов позволяет автору диссертации проникнуть в творческую лабораторию поэта и обнаружить, например, что «слова или отдельные части предложений во время редакции были заменены по принципу паронимической аттракции, что превращало изначально связный и логичный текст в бессвязный и герметичный» (с.34 диссертации). Несмотря на то, что в тексте диссертации эти бесценные историко-литературные документы используются лишь спорадически, в замечательном по своей содержательности «Заключении» (с. 250–261) автор диссертации убедительно демонстрирует, что досконально знает эти материалы и намечает перспективы дальнейших исследований, основанных, среди прочих материалов, на архивах. Вместе с тем **новизна** исследования Н. В. Голубицкой определяется тем, что целый ряд текстов писателя рассматриваются в российской филологии впервые, при этом анализируются не только поэтические тексты но и теоретические манифесты; диссертация включает в себе уникальный опыт анализа основных характеристик, графической, образной, ритмической и фонетических структур поэзии Тцара. Вместе с тем, литературная и искусствоведческая критика писателя рассматривается не только в качестве «документа эпохи», но и как дань французской традиции «стихотворения в прозе», в частности, в плане соответствий «критическим поэмам» Стефана Малларме.

В этом отношении у меня возникает **первое критическое замечание** в отношении терминологического аппарата диссертации: утверждая близость формулы рефлексивно-критической прозы Тцара к «критическим поэмам» С. Малларме, Н. В. Голубицкая не делает, по всей видимости, необходимого, с моей точки зрения, разграничения между понятиями «стихотворения в прозе» и «поэмы в прозе»; это смешение, характерное для российского литературоведения, восходит даже не к Малларме, а к Бодлеру. Последний, приходя к формуле поэмы в прозе, мимоходом сводил понятие «vers» (стих) к понятию «ver» (червь): автор «Цветов Зла» был движим стремлением заглянуть по ту сторону традиционного поэтического искусства,

ограниченность которого рифмой, строфой, твердой стихотворной формой ощущал как никто из современников. Подобно Бодлеру, Малларме очень четко различал «стихи» («Vers de circonstances») и «поэмы» («Poèmes en prose»), явно восходившие к замыслу «Сплина Парижа».

Теоретическая значимость исследования всецело определяется комплексной методологией, включающей подходы историко-литературного анализа, лингвосомиотики, прагматической теории литературы, фонологии, концептуального анализа, поэтики и философии языка. При этом столь широкий спектр аналитических практик не просто декларируется, а активно и изобретательно используется. Привлекая новейшие исследования по истории и поэтике авангарда, в частности, работы Е. Д. Гальцовой, Ю.Н. Гирина, Ж.-Ф. Жаккара, К. Ичин, Р. Краусс, В.В. Фещенко и др., опираясь на классические труды М. М. Бахтина, Э. Бенвениста, М. Л. Гаспарова, Вяч. Вс. Иванова, Ю. Н. Тынянова, Р. Якобсона и мн. др., обращаясь к философским трудам Д. Агамбена, Ж. Делеза, М. Мерло-Понти, В. А. Подороги, П. Рикёра, Н. В. Голубицкая создает объемную панораму творческого становления и экспериментирования Тцара, показывая его поэтические и теоретические начинания, с одной стороны, как оригинальную вариацию поэтики исторического авангарда, с другой – как личностно-субъективное «перетворение» языка, не имеющее аналогов во французской поэзии 20-х годов.

Забвение означаемого и радикально-людовическое внимание к означаемому, которое воспринимается не столько в строго графическом, сколько в визуальном и фонетическом аспектах; ставка не на письмо как таковое, а на псевдоспонтанную устность речи и, разумеется, попытка нового синтеза искусств, основанного на пра-культурных или на ино-культурных началах и устремленного к обретению утраченной сакральности перформативного речевого акта, подразумевающей единство телесной организации, речевой артикуляции и внутримировой экзистенции – таковы

вкратце те **положения**, которые выносятся на защиту в диссертации Н. В. Голубицкой.

Среди этих положений, представленных на 20 стр. диссертации, одно вызывает если не возражение, то сомнение. Действительно, утверждая, что «поэтический эксперимент в равной степени является языковым», автор исследования, как мне представляется, переоценивает поэтическое начало и недооценивает экспериментально-лингвистическое начало в творческом начинании Тцара. Другими словами, мой вопрос может быть сформулирован следующим образом: в этой внутренней схватке между Тцара-лингвистом и Тцара-поэтом, которой посвящен замечательный раздел в «Введении» (с. 29–31) кто же одерживает верх, разумеется, если ограничиться тем периодом становления писателя, которому собственно посвящена диссертация? Попутно еще один вопрос: выделяя указанный период творчества писателя, автор диссертации постоянно выходит за его пределы, экстраполируя позднейшие поэтические и теоретические положения на этот период «бури и натиски», то есть не страдает ли от этих экстраполяций собственно история литературы, не приписываем ли бы Тцара-балагуру 10-20 годов находки Тцара-мудреца 40-50-х годов?

Структура исследования отражает глубоко оригинальную и, вместе с тем, научно основательную концепцию творчества Тцара, которую Н. В. Голубицкая представляет в своей диссертации. Свой метод изложения исследовательница характеризует через понятие «микро-нарративов», которое, с моей точки зрения, свидетельствует о некоем анахронизме: судя по публикациям, представленным в автореферате, работа была подготовлена несколько лет назад, за это время русский язык заметно изменился, несмотря на все потуги блюстителей чистоты великого и могучего наречия, во всяком случае, слово «нарратив», которое в 2019 могло представляться научным понятием, в наше время стало чуть ли не словом-паразитом, которым злоупотребляют далекие от науки блогеры, журналисты, телеведущие. Так или иначе, но изложение материала исследования действительно отличается

своего рода теоретическими мизансценами, в которых Н. В. Голубицкая, представляя со знанием дела позиции предшественников, стремится сформулировать свое собственное видение исследуемой проблемы. Диссертация подразделяется на «Введение», три главы и «Заключение», завешает ее «Библиография», об основательности которой уже говорилось. В каждой главе выделены 2–3 параграфа, которые в свою очередь, дробятся на 6–7 под-параграфов, объемом от 3 до 6 страниц, где представлен тот или иной аспект исследуемой проблемы. Структура исследования свидетельствует о предельной выверенности, зрелости, продуманности работы: здесь нет пустословия, нет слов, брошенных на ветер, каждое собственное суждение, предваряется критическим анализом позиций предшественников. Несмотря на некоторые сомнительные словоупотребления (помимо «микро-нарративов» укажем, например, на «припешников» на стр. 251, слово, с моей точки зрения, не совсем корректное, как в отношении Тцара, так и в отношении других приверженцев авангардизма, дадаизма, сюрреализма, или на понятие «деконструкции», которое используется скорее метафорически или сводится к «деструкции», что явно противоречит пониманию этого философского термина его изобретателем Ж. Деррида), язык изложения результатов исследования отличается академизмом, здоровым пуризмом, научной выразительностью. Сам анализ исследуемых текстов неизменно характеризуется необычайной виртуозностью, изобретательностью, стремлением дойти по предела виртуальных значений словотворчества Тцара. Многие под-параграфы представляют собой законченные оригинальные исследования, которые, так сказать, просятся на публикацию.

Основные положения «Заключения» не вызывают ни возражений, ни сомнений. Помимо высказанных критических замечаний, позволю себе в заключение отзыва усомниться в верности некоторых переводческих решений, не всегда принятых самим автором диссертации, но воспроизводимых в исследовании. В работе много говорится об остранении как одной из самых частотных творческих установок Тцара, но, например,

перевод названия программной пьесы «Первое приключение господина Антипирина» отличается явной «доместикацией», то есть очевидной русификацией оригинала: представляется, что «Мсье» вместо тяжеловесного русского «Господина», и «авантюра» вместо «приключения», где корень «ключ» заслоняет случайность, характерную для авантюристности, вернее поработали бы на «форенизацию» текста, то есть очужествивание, острашение творческих экспериментов Тцара.

Сформулированные вопросы и замечания направлены не на умаление несомненных достижений исследования Н. В. Голубицкой, а на возможность плодотворной дискуссии, которая всегда украшает интересную защиту. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности «5.9.2 – литературы народов мира» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Автореферат в полной мере отражает основные положения и ход изложения результатов исследования.

Таким образом, соискатель Н. В. Голубицкая заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности «5.9.2 – Литературы народов мира».

Официальный оппонент:

доктор филологических наук,
профессор кафедры романо-германской филологии и перевода
Гуманитарного факультета Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский
государственный экономический университет»
ФОКИН СЕРГЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ

05.05.2025

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

10.01.03 – литература народов стран зарубежья (западноевропейская и
американская)

Адрес места работы:

191023, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 30-32, литер А

Тел.: (812) 458-97-43, электронная почта: dept.knsyap@unecon.ru